

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА: К ПРОБЛЕМЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ*

Аннотация. Статья посвящена возникновению и истории одного из двух направлений, существовавших в русской генеалогии конца XIX – начала XX в. – петербургской генеалогической школы, которую возглавлял крупнейший историк, академик Н.П. Лихачев. Исследуется деятельность ее организационного центра (Русского генеалогического общества) и вклад в развитие научной генеалогии.

Ключевые слова: генеалогия, историография, источниковедение, исторические общества, научная школа.

В конце XIX – начале XX в. русская научная генеалогия переживала период расцвета. Росло количество исследований и публикаций источников, создавалась информационно-поисковая система по родословию дворянства, формировались тематические направления, вырабатывались специфические приемы и методы анализа родословных сведений. Генеалогия была включена в процесс профессиональной подготовки историков. Родословные данные интегрировались в общую систему знаний о прошлом.

В процессе познавательного совершенствования дисциплины произошло выделение двух научных школ – петербургской и московской. Они различались по методическому инструментарию, тематике исследований, хронологическим границам интересов, персональному составу, особенностям использования и публикации источников и т.д. Формирование самостоятельных направлений явилось показателем познавательной зрелости генеалогии [49] и стало рубежным событием, которое обозначило окончательное конституирование в России научного генеалогического знания.

Важнейшую роль в стратификации дисциплины сыграли общественные организации. Генеалогические общества активно действовали по всей Европе, но в России подобная организация долгое время отсутствовала. В конце XIX в. потребность в ее создании детерминировалась не только задачами модернизации исторического знания, но и проблемами, с которыми сталкивались исследователи при обращении к родословным сюжетам. Известный генеалог В.В. Руммель писал по этому поводу: «...Лица, занимающиеся

генеалогией и сродными науками, лишены возможности обнародовать свои труды в этой области, как по неимению на то средств, так и вследствие затруднительности найти издателя, а также и потому, что исторические журналы наши, по разным причинам, не имеют возможности помещать специальные статьи о генеалогии» [48, 25]. В таком положении создание особой организации представлялось единственным способом повышения методического уровня родословных изысканий, их координации и интенсификации.

Центром петербургской школы явилось Русское генеалогическое общество, устав которого был утвержден в августе 1897 г. [15; 23; 24; 45]. Оно возникло на основе кружка любителей родословия, сложившегося вокруг известного государственного деятеля, коллекционера и историка князя А.Б. Лобанова-Ростовского. Первым опытом коллективной работы этих исследователей стала подготовка второго, исправленного и дополненного издания справочника князя А.Б. Лобанова-Ростовского «Русская родословная книга» [36].

Петербургская школа организационно была выражена через деятельность Русского генеалогического общества, однако их персональные составы отождествлять полностью нельзя. К направлению принадлежали только те, кто регулярно занимался изысканиями в области родословия, а в обществе состояло значительное количество лиц, числившихся только номинально. К ним, в первую очередь, относились представители столичной аристократии, которые, как казалось руководству, придавали организации социальный престиж. Существенную долю среди членов Русского генеалогического общества составляли титулованные дворяне (23,7 % от общего состава), а также лица, занимавшие видные должности и имевшие высокие придворные чины (гофмейстеры П.Д. Ахлестышев, В.Н. Поливанов и И.А. Всеволожский, адмирал Ф.В. Дубасов, министр земледелия А.С. Ермолов, обер-церемониймейстер барон П.П. Корф, министр иностранных дел М.Н. Муравьев, шталмейстер В.Н. Охотников, посол Н.В. Чарыков и др.) [53]. Представителей провинциального дворянства, краеведов в Русском генеалогическом обществе оказалось очень немного. В научном отношении организация ориентировалась на Петербургскую академию наук, также находившуюся в Санкт-Петербурге.

* © Наумов О.Н.

Персональный состав организации оказал влияние на тематические особенности исследований петербургской школы. Ее безусловным лидером являлся выдающийся историк и генеалог, впоследствии академик Николай Петрович Лихачев, в творчестве которого проявились многие черты, свойственные этому направлению генеалогической мысли. К школе можно причислить также таких исследователей, как Г.А. Власьев, Д.Ф. Кобеко, Н.В. Мятлев, В.В. Руммель, барон М.А. Таубе, граф С.Д. Шереметев и др.

Работы петербургского направления имели четкую хронологическую и проблемную локализацию. Они касались исключительно дворянства, хотя еще в 1898 г. издатель журнала «Русский архив» П.И. Бартнев выступил с критикой социальной ориентации Русского генеалогического общества. Понимая, что такое ограничение не может быть полезным, историк заявлял: «Русскому генеалогическому обществу надлежит заниматься не дворянскими только, но и родословиями других сословий, в особенности – духовенства, когда в них встречаются люди достопамятные» [8]. Позднее он подтвердил свой призыв, дополнив перечень групп, чье родословие следует изучать, купечеством [9]. Однако обращения П.И. Бартнева были проигнорированы. В марте 1900 г. Русское генеалогическое общество отклонило предложение сотрудника Московского архива Министерства юстиции И.С. Беляева выступить на заседании с докладом о «роде купеческом» [2, 233а]. Ему было прямо заявлено, что предложенная тема не соответствует основной цели организации – изучению дворянского сословия.

Интерес к дворянству не был всеобъемлющим. Приоритет отдавался его древней, знатной, титулованной части. Имелись также хронологические ограничения, доминировало изучение допетровского периода. Однако в указанных социально-хронологических пределах задачи генеалогического анализа понимались достаточно широко. В программе деятельности Русского генеалогического общества предполагалось изучение политической, экономической и культурной истории «служилого класса».

Методологической основой деятельности петербургской школы, как и всей отечественной генеалогии XIX – начала XX в., был позитивизм. Он проявлялся как в интересе к проблемам источниковедения, так и в самом отношении к историческим фактам. В предисловии к первому выпуску «Известий Русского генеалогического общества» прямо провозглашался приоритет фактологии перед аналитикой. При этом подчеркивалась познавательная равноценность всех фактов, даже самых мелких, а особенностью издания называлось стремление печатать больше «детальных ис-

следований по таким частным вопросам, которые обтекаются общими историками по мелочности и сравнительной их незначительности, нередко оказывающейся мнимой» [50]. Конкретное содержание всех выпусков свидетельствует, что этот принцип последовательно реализовывался на практике.

Совокупность методов, использовавшихся в исследованиях петербургской генеалогической школы, оказалась многообразной и способствовала достижению верифицированного знания. Особенно часто применялся компаративный, сравнительный метод, который позволял сопоставлять данные различных по хронологии и видовой принадлежности источников. Этот прием сочетался с критическим отношением к информации, постоянным стремлением выяснить степень ее достоверности, новизны и точности. Получил распространение логический смысловой анализ источников в контексте изучения конкретной исторической обстановки на момент их возникновения. Формированию специфической логики генеалогических исследований способствовало юридическое образование некоторых представителей школы, в частности – Н.В. Мятлева и барона М.А. Таубе.

Неоднократно вставала перед исследователями проблема интерпретации текста источников, уточнения антропонимических реалий и содержания терминов родства. Д.Ф. Кобеко, например, истолковал выражения «дети наши» и «племянники наши» в документах бездетного графа Ф.М. Апраксина [22, 17, 18]. Это свидетельствует о значительном месте, которое занимал в генеалогическом инструментарии герменевтический метод изучения источников.

Наиболее полно демонстрируют познавательную специфику петербургского направления «Известия Русского генеалогического общества». Они являлись непериодически выходившим сборником, который задумывался как «научный исторический орган, посвященный преимущественно изучению наименее разработанных отделов русской исторической науки» [50].

«Известия Русского генеалогического общества» стали блистательным памятником родословной мысли рубежа XIX – XX вв. и заложили основу для изучения средневековой генеалогии Руси в советской и эмигрантской историографии. Благодаря этому изданию была продемонстрирована возможность выхода в свет специализированного генеалогического органа.

Роль «Известий Русского генеалогического общества» в истории русской науки адекватно понималось уже современниками. Новгородский исследователь М.В. Муравьев, оценивая выпуски сборника, писал: «Их появление в свет есть пово-

ротный пункт в разработке русской генеалогии, собственно говоря, этим поворотным пунктом надо бы считать возникновение нашего общества, но «Известия» есть результат работы общества» [4, 323 об.].

Для «Известий Русского генеалогического общества», как и для всей петербургской исторической школы, характерно приоритетное внимание к проблемам источниковедения, к критическому изучению источников. Именно благодаря петербургским исследователям сформировалось как самостоятельное направление научного поиска генеалогическое источниковедение.

Особое значение для отечественной исторической науки имела опубликованная в «Известиях Русского генеалогического общества» работа Н.П. Лихачева, в которой было доказано существование древнейшей официальной родословной книги – Государева родословца 1555 г. [26]. Текст ее не сохранился, поэтому о составлении рукописи долгое время оставалось неизвестно. Опираясь на смутные упоминания в источниках XVII в. и на сохранившиеся выписки, Н.П. Лихачев установил состав Государева родословца, время его создания, авторство, показал взаимосвязь с другим важнейшим источником – Бархатной книгой. Таким образом, была предложена принципиально новая концепция истории родословных книг и практического генеалогического знания России в целом.

Стремление к расширению корпуса родословных источников проявилось в статье Н.П. Лихачева, посвященной вкладным записям на книгах 1625 и 1643 гг., которые хранились в личной библиотеке ученого [25]. В них содержались подробные сведения о семье К.И. Лихачева, подтвердившие сомнительные сведения других источников о ее составе. В другой работе [31] Н.П. Лихачев, хотя и причислил записи на книгах и рукописях к разряду второстепенных генеалогических источников, подчеркивал, что они могут содержать очень ценные сведения. В качестве доказательства приводилась запись на «Пандектах Никона Черногорца» XV – XVI вв. из собрания И.Л. Силина, которая позволила уточнить начальные поколения рода Воейковых. Еще более важной оказалась запись на рукописи XV в. «Творения Григория Богослова» из собрания Императорской публичной библиотеки. В ней упоминались Касьян Румянцев и Симон Картмазов, что являлось древнейшим примером употребления русских фамилий. Одновременно благодаря тексту удалось уточнить раннюю историю родов Румянцевых и Картмазовых.

Тщательный анализ и критическое осмысление русских средневековых источников, обращенность к архивным материалам способствовали выработке методов публикации исторических

документов, выявлению специфических способов введения в научный оборот генеалогических материалов. Публикация источников стала самостоятельным направлением работы членов Русского генеалогического общества. В его «Известиях» было опубликовано 75 документов XV – начала XVIII в., из них 17 относились к XVI в., а 53 – к XVII в. Большинство рукописей оказались заимствованы из московских архивов (Московского архива Министерства юстиции, Московского главного архива Министерства иностранных дел), а также из библиотек (Императорской публичной библиотеки, Синодальной библиотеки) и частных архивов (Кашкиных, Лихачевых, графов Шереметевых и других родов). Разнообразные в видовом отношении источники касались истории многих известных родов – князей Черкасских, князей Одоевских, князей Пожарских, князей Долгоруких, князей Алабышевых, князей Мезецких, князей Сицких, Васильчиковых, Осоргиных, Соковниных, Озеровых, Головкиных, Собакиных, Нагих, Лихачевых, Шереметевых, Полевых. Среди текстов имелись жалованные, ввозные, отдельные и купчие грамоты, отрывки из писцовых книг, синодики, [10, 23 – 30] рядные записи, [59] десятни, духовные грамоты (князя С.Ф. Сицкого 1549 г., старца Варлаама 1590 г., княгини М. Татевой 1596 г., князя В.Т. Долгорукова 1633 г., князя Д.И. Мезецкого 1643 г., князя Н.И. Одоевского 1689 г.) [20, 18 – 23; 29; 26, 216 – 221; 54, 72 – 84; 55; 57]. Особое внимание к последнему виду источников детерминировалось тем, что в них подробно перечислялись все родственники завещателя, как по мужской, так и по женской линии. В «Известиях Русского генеалогического общества» оказались опубликованы судебные дела (вотчинное судное дело стольника князя Ю.А. Сицкого о наследстве после князя П.В. Бахтеярова-Ростовского, местническое дело Д. Битяговского 1675 г.) [28, 222 – 352; 56] и целые комплексы семейных документов, в частности, столбцы князей Черкасских, грамоты Осоргиных и Головкиных [16; 27; 34, 117 – 133].

Накопленный петербургскими исследователями эдиционный опыт оказал влияние на московскую генеалогическую школу. Известно, что Н.П. Лихачев давал Л.М. Савелову рекомендации о методике археографической работы: «Только не забывайте при издании материалов: 1. Отмечать списки и подлинники; 2. Подлинники описывать, указывать скрепы, пометы, адреса на обороте, печати, с указанием, если таковая была, да оторвана или утратилась, раскрошилась; 3. Тщательно отмечать место нахождения документов; 4. При каждом выпуске прилагать алфавитный указатель» [14, 33].

Среди источников первостепенное внимание исследователей привлекали поколенные росписи конца XVII в., поданные в Палату родослов-

ных дел представителями служилого дворянства после отмены местничества. Их изучение и публикация стали одним из основных направлений источниковедческих изысканий петербургской школы. Инициатором этой работы выступал В.В. Руммель, который еще в 1890-е гг. начал собирать из государственных и частных архивов копии поколенных росписей, предполагая их издание [1, 12]. В марте 1899 г. В.В. Руммель подарил эти материалы Русскому генеалогическому обществу, рассчитывая на помощь в публикации [51, 13]. Однако ничего сделано не было, после кончины В.В. Руммеля в 1902 г. росписями никто не занимался. Только в марте 1908 г. было принято решение о передаче 496 росписей для подготовки публикации Н.В. Мятлеву [48, 49]. Он продолжил археографическую работу с ними и даже поместил в «Известиях Русского генеалогического общества» список необнаруженных росписей с просьбой помочь в их поиске, отметив те хранилища, где они могут находиться (например, родовой архив Кашкиных) [40]. Одновременно росписи использовались другими членами общества для исследований. В 1908 г. Н.Н. Кашкин получил от Н.В. Мятлева росписи дворян Бахметевых, которые потребовались ему для статьи [3, 173]. Работа над публикацией была практически завершена к 1914 г., но Первая мировая война, а затем революционные события, помешали изданию, что нанесло развитию русской генеалогии существенный ущерб. Росписи не опубликованы до сих пор, хотя благодаря усилиям А.В. Антонова изданы все прилагавшиеся к ним акты [7].

В «Известиях Русского генеалогического общества» было опубликовано и подвергнуто всестороннему анализу несколько росписей конца XVII в. (Лихачевых, Нагих, Собакиных, Осоргиных) [25, 152 – 161; 34, 96 – 103; 37, 71 – 79]. Н.П. Лихачев изучил роспись рода Лихачевых и сопроводившие ее документы, [25] а также дело Головкиных, составленное в Палате родословных дел [34]. После сравнения росписи Головкиных с подлинными актами XIV – XV вв. стало очевидным, что сведения о происхождении этого рода из Польши, от знатного шляхтича Яна Кучюкомовича являлись полностью вымыслом. На самом деле, их родоначальником был рядовой вотчинник Иван Головкин, который владел землями в Бежецком уезде в начале XVI в. Одновременно выяснилось, что данные о первых поколениях рода также не подтверждаются источниками. Как подчеркивал Н.П. Лихачев, «вся беда вышла из-за того, что Головкины, воспользовавшись вкладной книгой Троице-Сергиева монастыря, не догадались восполнить ее подлинными вкладными и данными грамотами; распределяя поколения по соображению, руководствуясь главным образом отчеством,

составители родословной росписи жестоко напутали и ввели в заблуждение Палату родословных дел» [34, 131].

Специальную статью посвятил Н.П. Лихачев роду Яновых [32]. Он опроверг версию П.Н. Петрова об их происхождении от князей Яновых-Ростовских. В родословце второй половины XVII в., обнаруженном в библиотеке Московского главного архива Министерства иностранных дел, содержалось указание на то, что их родоначальником был боярин князя Василия Шемяки, а также приведены три первых поколения, существование которых подтверждалось независимыми источниками.

Н.В. Мятлев [41] выяснил эволюцию легенды о выезде родоначальника Левшиных Сувола Левенштейна к Дмитрию Донскому с конца XVII до начала XIX в. Окончательный вывод был категоричен: «Никакого подтверждения в летописях или иных достоверных источниках эта легенда о происхождении Левшиных не находит и, вероятнее всего, возникла не ранее конца XVII века, а потому... должна быть признана фантастической и совершенно отвергнута» [41, 35 – 36].

Исследования петербургской школы в области генеалогического источниковедения оказали большое влияние на последующие изыскания, определив совокупность методов и приемов анализа родословных источников.

Генеалогия как научное знание теснейшим образом связана с биографикой, которая в современной науке часто воспринимается как самостоятельная дисциплина. В начале XX в. ситуация была иной. Изучение биографий исторических лиц рассматривалось как неотъемлемая часть родословного исследования. В «Известиях Русского генеалогического общества» было опубликовано несколько биографических очерков: [13; 17; 33] о боярине князе Н.И. Одоевском, о приехавшем на службу в Москву волошском воеводе С. Александровиче, о сыне боярском В. Чубукове, посланном Иваном Грозным с жалованной грамотой к хану Кучуму. Разновидностью биографического исследования являлись работы, посвященные уточнению фактов и дат жизни исторических деятелей. Так, Г.В. Мещеринов и граф С.Д. Шереметев выяснили время и обстоятельства смерти двух представителей рода Нагих [37; 58].

Другой проблемой, привлекавшей внимание петербургской генеалогической школы, стали матримониальные связи дворянских родов. Их установление, с одной стороны, представляло собой сложную источниковедческую задачу, требовавшую тонкой интерпретации источников, а с другой – являлось ключом к пониманию причин многих событий истории XVI – XVII вв., что прямо ассоциировалось с научной состоятельностью

генеалогии как сферы исторического познания. Генеалоги выдвинули ряд интересных гипотез – о происхождении матери царицы Е.Л. Стрешневой из рода Юшковых, [19] о первой жене видного деятеля Смутного времени князя Д.Т. Трубецкого [18] и т.п. Д.Ф. Кобеко установил наличие свойственных связей между князьями Татевыми и князьями Голицыными, Полевыми и Шереметевыми [20; 22]. Он также предположил, что причины возвышения во время Смуты «худородного» С.И. Шапкина, назначенного на видную должность постельничего, кроются в его дальнем родстве с Нагими, благодаря чему он смог уговорить царицу М.Ф. Нагую признать Лжедмитрия своим сыном. В серии статей Н.В. Мятлева и Д.Ф. Кобеко высказывались предположения о свойственных связях рода Нагих с князьями Фуниковыми, князьями Мезецкими, Свибловыми и Хлоповыми [21; 38; 39].

Большой интерес к бракам проявил Н.П. Лихачев, который целенаправленно собрал из источников XVI – начала XVII в. упоминания о женщинах, принадлежавших к княжеским родам, и подготовил справочный список [30]. В нем упомянуто 42 рода (князья Бярятинские, князья Бельские, князья Воротынские, князья Гундоровы, князья Кемские, князья Козловские, князья Кропоткины, князья Курбские, князья Мещерские, князья Ухтомские, князья Холмские, князья Хованские, князья Оболенские с их многочисленными разветвлениями). Женские имена позволили установить свойственные связи этих семей (например, князей Турениных-Оболенских с Годуновыми, князей Сицких с Морозовыми и Сабуровыми).

Логически связанной с этим исследованием оказалась статья о родстве князей и дьяческих семей, [35] возникавшем вследствие браков. Именно эти данные помогли Н.П. Лихачеву убедительно объяснить возвышение дьяческих династий Висковатовых, Щелкаловых, Грамотиных и их большую роль в политической жизни. В рамках изучения Н.П. Лихачевым свойственных связей Средневековья можно рассматривать и работу, [36] в которой получила документальное подтверждение легенда рода бояр Колычевых о браке с «новгородкой». Исследователь установил, что живший в первой половине XVI в. Иван Андреевич Колычев действительно был женат на Матрене Есиповой, которая происходила из знатного новгородского рода. Матримониальные связи новгородских и московских родов изучал также Н.В. Мятлев. Он выявил несколько подобных фактов, показав на их основе, каким образом после присоединения Новгорода к Московскому княжеству происходила генеалогическая интеграция привилегированных групп двух регионов [42]. Изучение матримониальных связей русского Средневековья понималось не только как эмпирическая за-

дача, но и как способ методологического совершенствования родословного знания.

Общей проблемой русской генеалогии второй половины XIX – начала XX в. стало введение в научный оборот точной, верифицированной информации, опирающейся на критический анализ источников. Это стремление выразилось в развитии эвристического направления, которое реализовывалось через создание генеалогических справочников. В рамках петербургской школы оно нашло отражение в творчестве В.В. Руммеля и Г.А. Власьева. Изданные ими справочники [11; 52] стали важными событиями для отечественной исторической науки. В.В. Руммель [43] предложил новое понимание точности генеалогического знания, определив его неременным условием, с одной стороны – систематическое привлечение архивных материалов, а с другой – исключение гипотетического присоединения лиц к родословным как принципа составления поколенных росписей. Для 1880-х гг. новаторским был предмет исследования, целенаправленное обращение не к аристократии, а к средним слоям древнего дворянства.

Справочник Г.А. Власьева [12] о потомстве Юрика тематически и методологически полностью соответствовал выработанной петербургской школой парадигме. Приоритет точности информации детерминировал уникальную полноту биографических справок в поколенных росписях и отсылки на источники при каждом сведении. Методическое и информационное значение справочника Г.А. Власьева адекватно понималось петербургскими генеалогами, которые приложили большие усилия для издания второго тома труда, посвященного владими́ро-во́лы́нским князьям. Это произошло после смерти автора в 1918 г. [11] и стало научным подвигом, в контексте политической обстановки в стране.

Петербургское направление выступило как субъективный фактор формирования московской родословной школы [46; 47; 49]. В начале XX в., когда, с одной стороны, в деятельности Русского генеалогического общества наблюдались кризисные явления, вызванные кадровыми проблемами, а с другой – среди любителей родословия из других регионов накапливалось недовольство, обусловленное методами работы организации, было создано альтернативное Историко-родословное общество в Москве. Оно стало научно-организационным центром московского генеалогического направления. Основатель и руководитель Историко-родословного общества Л.М. Савелов учел как положительный, так и негативный опыт, накопленный петербургскими коллегами, постарался избежать их ошибок.

Официальные контакты между петербург-

ским и московским направлениями практически отсутствовали. Только один раз, в 1906 г., Историко-родословное общество в Москве обратилось к Русскому генеалогическому обществу с письменным запросом, в котором шла речь о материалах, собранных В.В. Руммелем. Появились сведения об их передаче Императорской публичной библиотеке, и, реагируя на них, Историко-родословное общество выразило согласие принять материалы и довести поколенные росписи XVII в. до публикации. В ответе Русского генеалогического общества слухи о продаже рукописей были опровергнуты [5; 6; 5]. Отсутствие официальных контактов не мешало исследовательскому диалогу петербургских и московских генеалогов, который выразился в публикации работ в изданиях обеих организаций – «Летописи Историко-родословного общества» и «Известиях Русского генеалогического общества».

Судьба петербургского направления после 1917 г. сложилась непросто. Накопленный материал о фальсификации средневековых родословных документов был использован «историками-марксистами» против самой генеалогии как науки, оказавшись важным аргументом для обоснования ее ненужности при изучении прошлого. Несмотря на попытки расширить направления деятельности Русского генеалогического общества, отмежевываясь от дворянских приоритетов, войти в состав советских научных организаций и иные меры, сохранить центр школы не удалось. В ноябре 1922 г. общество было официально ликвидировано.

В 1920 – 1930-е гг. произошло нивелирование различий между московской и петербургской школами. Первая уцелела в большей степени, что было обусловлено широтой хронологических рамок и проблематики исследований, тесной связью с любителями, с архивами, с преподаванием. Представителям московской школы удалось лучше приспособиться к условиям советского тоталитаризма, и после 1917 г. продолжать полулегальные родословные исследования. Многие из представителей этого направления эмигрировали и при возобновлении генеалогических исследований за границей опирались, разумеется, на более им привычный теоретико-методический опыт [44].

По отношению к концу 1920-х – 1930-м гг. термин «школа» может употребляться только условно, поскольку генеалогия не пополнялась новыми поколениями исследователей, происходило свертывание научных работ, были утрачены лидеры. В СССР традиции петербургского направления нашли продолжение в работах С.Б. Веселовского, а позднее – в работах А.А. Зимина и В.Б. Кобринина.

Деятельность петербургской школы явилась для начала XX в. своеобразной научной революцией, заложившей эпистемологические и мето-

дические основы последующей генеалогической мысли. Суть произошедших модификаций состояла в создании универсальной парадигмы родословного исследования, которая была направлена на достижение верифицированного и объективного генеалогического знания, понимавшегося как специфический, но полноценный компонент изучения прошлого.

1. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. – Ф. 351. – К. 1. – Д. 28.
2. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 1293. – Д. 1.
3. Там же. – Д. 2.
4. Там же. – Д. 16.
5. Центральный исторический архив г. Москвы. – Ф. 432. – Д. 8.
6. Там же. – Д. 11.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

7. Акты служилых земледельцев XV – начала XVII вв. – М., 1997–2008. – Т. 1–4.
8. Бартенев П.И. // Русский архив. – 1898. – № 8.
9. Бартенев П.И. [Рецензия] // Русский архив. – 1907. – № 2. – 2 л. обл.
10. Власьев Г.А. Князья Острожские и Друцкие // Известия Русского генеалогического общества (далее ИРГО). – Вып. 4. – СПб., 1911. – Отд. 1. – С. 1–30.
11. Власьев Г.А. Потомство Рюрика. – СПб.; Пг., 1906–1918. – Т. 1–2.
12. Власьев И.Р. Русский генеалог Г.А. Власьев // Из истории Русского генеалогического общества. – СПб., 2001. – С. 77–87.
13. Губастов К.А. К портрету князя Никиты Ивановича Одоевского // ИРГО. – Вып. 3. – СПб., 1909. – Предисловие.
14. Зубова Н.Л. Историко-просветительские организации в России в конце XIX – начале XX века: Дис. ... к. и. н. – М., 1990.
15. Из истории Русского генеалогического общества. – СПб., 2001.
16. Кашкин Н.Н. Столбцы князей Черкасских // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 2. – С. 1–16.
17. Кобеко Д.Ф. Волошский воеводич Степан Александрович // ИРГО. – Вып. 4. – СПб., 1911. – Отд. 1. – С. 31–34.
18. Кобеко Д.Ф. Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 1. – С. 45–47.
19. Кобеко Д.Ф. Мать царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой // ИРГО. – Вып. 3. – СПб., 1909. – Отд. 1. – С. 61–66.
20. Кобеко Д.Ф. Родословные заметки о некоторых деятелях Смутного времени // ИРГО. – Вып. 3. – СПб., 1909. – Отд. 1. – С. 3–23.
21. Кобеко Д.Ф. Федор Федорович Нагой // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 1. – С. 18–24.
22. Кобеко Д.Ф. Шереметевы и Полевы // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900. – Отд. 1. – С. 7–30.
23. Краско А.В. Из истории Русского генеалогического общества. Создание и становление общества // ИРГО. – 1994. – Вып. 1. – С. 31–36.

24. Краско А.В. Русское генеалогическое общество 1918 – 1922 гг. (страницы истории) // ИРГО. – Вып. 4. – С. 36–43.
25. Лихачев Н.П. Вкладная запись выдающегося генеалогического значения // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 1. – С. 149–164.
26. Лихачев Н.П. Государев родословец и Бархатная книга // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900. – Отд. 1. – С. 49–61.
27. Лихачев Н.П. Грамоты Осоргиных // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900. – Отд. 3. – С. 14–0.
28. Лихачев Н.П. Документы о князьях Сицких // ИРГО. – Вып. 3. – СПб., 1909. – Отд. 2. – С. 216–352.
29. Лихачев Н.П. Духовное завещание старца Варлаама // ИРГО. – Вып. 3. – СПб., 1909. – Отд. 2. – С. 100–112.
30. Лихачев Н.П. Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900. – Отд. 1. – С. 70–113.
31. Лихачев Н.П. Летописи и записи в рукописях и книгах как генеалогический источник // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900. – Отд. 1. – С. 133–149.
32. Лихачев Н.П. О происхождении Яновых // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900. – Отд. 1. – С. 150–154.
33. Лихачев Н.П. Посылка в Сибирь Василия Чубукова // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900. – Отд. 1. – С. 162.
34. Лихачев Н.П. Родоприсхождение дворян Головкиных // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 1. – С. 89–148.
35. Лихачев Н.П. Родственные связи княжеских фамилий с семьями дьяков // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900. – Отд. 1. – С. 114–119.
36. Лобанов-Ростовский А.Б. кн. Русская родословная книга. – 2-е изд. – СПб., 1895. – Т. 1–2.
37. Мещеринов Г.В. К родословию Нагих // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 1. – С. 10–12.
38. Мятлев Н.В. Догадка о жене Федора Нагого // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 1. – С. 13–17.
39. Мятлев Н.В. К родословию Нагих // ИРГО. – Вып. 4. – СПб., 1911. – Отд. 1. – С. 71–91.
40. Мятлев Н.В. О предстоящем издании «Родословных росписей, поданных в Разряд при составлении родословной книги представителями служилых родов Московского государства в конце XVII в.» // ИРГО. – Вып. 4. – СПб., 1911. – Отд. 4. – С. 515–518.
41. Мятлев Н.В. Родословная легенда Левшиных // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 1. – С. 35–37.
42. Мятлев Н.В. Родство Колычевых с новгородцами // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900. – Отд. 1. – С. 120–123.
43. Наумов О.Н. В.В. Руммель и русская генеалогия // Из истории Русского генеалогического общества. – СПб., 2001. – С. 62–74.
44. Наумов О.Н. Журнал «Новик» и развитие русской генеалогии в эмиграции (1930 – 1950-е годы) // Отечественные архивы. – 1994. – № 6. – С. 7–16.
45. Наумов О.Н. «Известия Русского генеалогического общества»: указатель содержания // Историческая генеалогия. – 1994. – Вып. 3. – С. 65–79.
46. Наумов О.Н. Историко-родословное общество в Москве в контексте русской генеалогической мысли // Вестник архивиста. – 2005. – № 1. – С. 135–141.
47. Наумов О.Н. Историко-родословное общество в Москве и развитие русской генеалогии // Культурное наследие российской эмиграции, 1917 – 1940 гг. – Кн. 1. – М., 1994. – С. 429–440.
48. Наумов О.Н. Источники по истории Русского генеалогического общества // Из истории Русского генеалогического общества. – СПб., 2001. – С. 17–54.
49. Наумов О.Н. Московская генеалогическая школа конца XIX – первой половины XX в.: Автореф. дис. ... к.и.н. – М., 1995.
50. Предисловие // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900.
51. [Протоколы общих собраний Русского генеалогического общества] // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 3. – С. 1–17.
52. Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. – СПб., 1886–1887. – Т. 1–2.
53. Список членов Русского генеалогического общества к 1 мая 1914 г. – СПб., 1914.
54. Татищев Ю.В. Род князей Мезецких // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 1. – С. 48–84.
55. Холмогоров В.И. Духовная князя Владимира Тимофеевича Долгорукова // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 2. – С. 17–25.
56. Шереметев С.Д. гр. Дело Дмитрия Битяговского // ИРГО. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 2. – С. 32–45.
57. Шереметев С.Д. гр. Духовное завещание боярина князя Никиты Ивановича Одоевского // ИРГО. – Вып. 4. – СПб., 1911. – Отд. 3. – С. 379–391.
58. Шереметев С.Д. гр. По поводу родословия Нагих // ИРГО. – Вып. 1. – СПб., 1900. – Отд. 1. – С. 3–6.
59. Шереметев С.Д. гр. Рядная запись Елены Алексеевны Зюзинной // ИРГО. – Вып. 3. – СПб., 1909. – Отд. 2. – С. 97–99.

O. Naumov

PETERSBURG GENEALOGICAL SCHOOL: TO THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZATION OF HISTORY OF RUSSIAN GENEALOGY

Abstract: This article considers origins and history one of the two directions in Russian genealogy end of the 19th – early 20th centuries: Petersburg Genealogical School headed foremost historic authority academician Nikolay Petrovich Likhachyov. Author explores the activity of its organizer (Russian Genealogical Society) and contribution on the development of Russian scientific genealogy.

Key words: genealogy, historiography, primary source analyze, historic societies, scientific school.